

Нова Україна
інститут стратегічних досліджень

Україна пограниччя, или Судьба режима 5.0

Автори доклада:
А.Ермолаев, В.Емец, А.Левцун, Ю.Надтока, С.Денисенко

Содержание

<i>1. Украинское общество: диагноз - «революционный невроз»</i>	3 стр.
<i>2. Текущее состояние и среднесрочные перспективы национальной экономики</i>	6 стр.
<i>3. Социальные настроения: осень 2017 г.</i>	12 стр.
<i>4. Особенности политической ситуации</i>	17 стр.
<i>5. Внешняя политика: на пути к изоляции</i>	21 стр.
<i>6. Заключительные выводы</i>	25 стр.

1. Украинское общество: диагноз - «революционный невроз»

По данным Министерства социальной политики Украины, порядка 1,2 миллиона украинцев, или 3% населения (если считать корректной численность населения в 40 млн. чел.), страдают психическими расстройствами.

Разрушение единого гражданского пространства (ОРДЛО и аннексированный Крым), эмиграция и трудовая миграция, высокий уровень смертности и низкая рождаемость привели к радикальному сокращению населения Украины. В реальности, численность украинцев, постоянно проживающих в сохранившемся гражданском пространстве по состоянию на 2017 год, существенно меньше. Учитывая трудовую миграцию и высокую смертность, - не более 32-33 миллионов человек. И численность украинцев, страдающих психическими расстройствами, по мнению экспертов в области медицины, больше в разы.

Депрессия нищеты, стрессы негативных перемен, травмы войны, разрушенный институт общественного воспитания, негативный информационный фон - лишь малый перечень причин, обуславливающих психическое нездоровье. Но объединяет их один фундаментальный де-мотиватор – экзистенциальный вакуум, разрушенное смысловое поле жизни, «исчезновение будущего».

Украинское общество за короткое время пережило ряд глубочайших потрясений, которые непосредственно и катастрофически повлияли на идентичность в самом широком смысле: общественную («кто мы»), морально-нравственную («какие мы»), индивидуальную («кто я», «какова моя социальная роль и психологический статус»).

Деграция экономики, снижение стандартов и примитивизация общественных требований к индивидуальной образованности и культуре, к самой личности как носителю и выразителю «со-временности», нормативный кризис морально-нравственных регуляторов индивидуального и общественного поведения и про-явления **создали новую, по сути – пограничную, ситуацию для общества в целом.**

Общество переживает выраженный коллективный невроз, который проявляется в резкой индивидуализации жизни, преобладании инстинкта выживания над запросами к переменам и изменениям, быстрой переменчивостью настроений и позиций под воздействием непрерывного потока негативной информации и сигналов новой опасности (цены и тарифы, новые правила функционирования институтов жизнеобеспечения – здравоохранения, социальной защиты, образования, а также скандалы и потрясения в публичной политике).

Собственно, факт перехода многолетнего стрессового состояния в общественный невроз игнорировался со стороны государства **более 5 лет.** Выхлоп невроза в форме Майданного революционно-протестного движения 2013-14 года (т.н. «революционный невроз») был воспринят политиками и интеллектуалами как буквальная политическая революция, завершившаяся

сменой власти. Подмена общественного запроса на качественные перемены (новая самоорганизация общества, стандарты жизни, новая культура взаимоотношений «общество-государство», запрос на духовно-нравственный подъем) на банальную смену состава власти, а также проведение политики новой мобилизации, связанной с войной на Донбассе и милитаризацией жизни страны, лишь усилила невротическое состояние.

К неизвестному будущему добавилось невыносимое настоящее. Нездоровое, испуганное и зажатое новыми опасностями общество отреагировало на новую реальность «бегством» и самозамыканием.

Невроз лишь внешне кажется про-активным. В действительности же мы имеем дело с разрушительным процессом разрыва устойчивых общественных связей, «броуновским движением» самоспасения и поиском новых систем более надежного жизнеобеспечения.

Локализация жизни, «бегство от опасностей» выражается теперь в затухании общественной активности, массовой трудовой и гражданской миграции, участившимися случаями индивидуального и коллективного дауншифтинга, ростом криминогенности, связанной как с организованной преступностью (альтернативные правила и нормы организации жизни в условиях кризиса нормативности), так и с бытовой, т.н. «уличной» преступностью, что отражает состояние разрушенного нормативного поля поведения для широких слоев населения. «Вернулись бандитские 90-е» - так массовое сознание отреагировало на возникшую новую реальность. Преступление перестало быть аномалией, и становится новой нормой, допустимым поступком и способом решения проблем. Государственные деятели и бизнесмены, обыватели и общественные активисты, мажоры и беспризорники – все оказались за «чертой» старых норм.

Политический режим, вооружившись силовыми структурами и радикальными политическими движениями-спойлерами, еще пытается управлять обществом – с помощью демонстративного административно-силового давления, агрессивной пропаганды и медиа-зомбирования, шантажа тотальной войной и прочих нехитрых приемов господства.

Но процесс распада социальных связей уже начался. Рождающееся новое страшит неизвестностью. Страх «взрывает» сознание, разрушает личность, «расстраивает» индивидуальную конституцию.

Психические болезни в украинском обществе – не отклонения, а эпидемия, угрожающая в ближайшие год-два превратиться в пандемию.

Самыми опасными проявлениями общественного невроза стали:

– общественная аномия, проявляющаяся во все большей дезориентации, апатии, разочаровании в настоящем, «бегстве» от реальности, углублении нормативного кризиса в социальных отношениях;

- анонимность ответственности за поступок, действие (*«боевая граната» - как социальный феномен - символ безнаказанности и личной безответственности за возможное преступление*);

- разрыв государства и общества (*государство воспринимается как «чужеродное тело» для страны как пространства жизни, работы, повседневного существования*);

- готовность поддержать и поверить несистемному лидеру (лидерам), доверие к которым больше подпадает под «политическую религиозность» (спасение, исход), чем под рациональный, сознательный выбор;

- возрождение архетипа «моя хата с краю»: трансформация прошлой национально-гражданской идентичности в индивидуализированную «единицу». Народ превращается в разношерстное «население территории».

Состояние общественного невроза может снова воплотиться в очередной «революционный невроз» (*«сбрасывание» непосильной реальности насильственным путем, с опорой на массы и их активные действия*). Но, в отличие от гражданского движения 2004 года и мотивированного революционного процесса 2013-14, которые завершились «петлей» обмана и новым диктатом со стороны победителей, **новый «революционный невроз» может быть локализован на территориях проживания (Центр – Киев, Майдан - десакрализованы и перестали восприниматься как «путь к переменам»), маргинализированным по составу участников и повестке, разрушительным для общества как системы (от кризиса государственности – к кризису страны).**

Украинское общество – в пограничье. С калейдоскопическим прошлым, опасным и унижительным настоящим, и неизвестным будущим. С разрушенной идентичностью. С выраженной раздвоенностью «ослабленная страна/государство насилия».

Украина замерла в угасании. Украина – в затянувшемся ожидании выхода из «экзистенциального вакуума».

2. Текущее состояние и среднесрочные перспективы национальной экономики

Неэффективность и отсталость украинской экономики была очевидной задолго до политического кризиса 2013-14 годов. Ее характерными чертами стали низкая производительность труда, энерго- и ресурсоемкость, технологическое отставание и структурные перекосы. Продолжающаяся с начала девяностых циклическая деградация на тот момент уже привела к упрощению разделения труда, сокращению инновационной активности предприятий, разбалансированности государственных финансов, низким темпам прироста капитальных инвестиций при стабильно высоких объемах вывоза капитала, и как следствие, низким, в сопоставлении с соседними странами, реальным доходам населения.

Выход из этого состояния виделся в ускоренной модернизации национальной экономики за счет интеграции в европейскую систему разделения труда. Это должно было поспособствовать выходу украинского бизнеса на новые емкие рынки, притоку инвестиций, технологическому и техническому «перевооружению» реального и развитию финансового сектора экономики. Конечным результатом этих изменений должно было стать повышение качества и уровня жизни населения.

Однако прошедшие годы не оправдали этих ожиданий. Украина фактически не смогла извлечь никаких выгод из создания зоны свободной торговли с ЕС. Вместе с тем, вооруженный конфликт на Донбассе, разрыв производственных связей и потери от блокад, санкций и контр-санкций только ускорили упадок. За последние годы экономика потеряла значительную часть ВВП и промышленного производства, вновь сократился выпуск товаров с высокой добавленной стоимостью, ускорился отток инвестиций, произошла глубокая девальвация национальной валюты, в финансово-банковском секторе разразился серьезный кризис. Власть традиционно пытается купировать проблемы ростом долга и сокращением социальных ассигнований.

Такая модель экономики может быть устойчивой только на определенном, достаточно коротком (4-5 лет) цикле. И этот цикл для Украины уже подходит к своему завершению. В среднесрочной перспективе национальная экономика обречена на один из двух сценариев: плавная деградация до состояния примитивной аграрно-сырьевого хозяйства или стремительное обрушение до этого уровня, вследствие ухудшения конъюнктуры на внешних рынках.

К моменту начала революционных событий 2013-2014 г.г. экономическая модель Украины к 2013 г. приобрела ряд характеристик, которые свидетельствовали о её несостоятельности и ущербности. Одна из главных

причин — отставание в техническом и технологическом развитии реального сектора экономики.

В частности, основными характеристиками ситуации в промышленности и национальной экономике в целом, стали:

- высокий уровень износа основных средств (в 2013 г. основных средств и нематериальных активов в промышленности амортизировано на 57%);
- низкий удельный вес инновационных товаров в общем объеме реализованной промышленной продукции (в 2013 г. - 3,3%);
- малый объем проведенных научных работ в структуре ВВП (в 2013 г. - 0,8%);
- высокая энергоёмкость экономики.

К концу 2013 г., промышленно-аграрная модель экономики Украины демонстрировала признаки глубокого и нарастающего отставания от экономик других стран региона, в частности стран Восточной Европы.

Государственная экономическая политика только подстегивала деградацию. Из экономики постоянно изымались ресурсы в пользу небольшого числа политико-экономических групп представителей власти, в обмен на поддержку условного благосостояния населения. Слабость правовых институтов защиты прав собственности, на фоне разгула рейдерства, провоцировала постоянный вывоз национального капитала (к 2012 г., из Украины в офшоры, было выведено 167 млрд. дол. США¹, что сопоставимо с максимальным уровнем годового ВВП Украины за все года независимости), что также способствовало угнетению реинвестиций в обновление производственных фондов и, соответственно, падению общего уровня конкурентоспособности экономики (в 2013 г. капитальные инвестиции в структуре ВВП составляли приблизительно 10%², а объем экспорта товаров сократился на 7,5%³ по отношению к предыдущему году). *Это, в свою очередь, вело к повышению зависимости экономики Украины от наиболее примитивных и нестабильных внешних сырьевых рынков (в 2013 г. удельный вес сырьевой продукции в структуре экспорта достиг 40%).*

Использование инструментов государственной экономической политики для поддержки благосостояния (потребления) в условиях негативных структурных изменений также усугубило ряд финансовых показателей страны:

- дефицит государственного бюджета в 2013 г. превысил 20%⁴;
- отрицательное сальдо текущего счёта платежного баланса составило 16,4 млрд.дол.США (что сопоставимо с 25% экспортной выручки страны от продажи товаров);

¹https://lb.ua/economics/2012/07/24/162173_ukrainu_nazvali_liderov.html

²собственные расчеты на основе данных www.ukrstat.gov.ua

³данные www.bank.gov.ua

⁴собственные расчеты на основе данных www.minfin.gov.ua

- в 2013 г. золотовалютные резервы страны уменьшились на 15%, достигнув критического уровня сопоставимого с 2,4 месяцами будущего импорта⁵;
- уровень государственного долга к концу 2013 г. достиг 584 млрд. грн. или 40% от ВВП⁶;
- поступление иностранных инвестиций за этот период сократилось в два раза⁷.

Меркантилизм и «трофейное» отношение государственной власти к национальной экономике проявились и в сверхвысоком уровне перераспределения ВВП через государственный бюджет (в 2013 г. этот показатель достиг 29%⁸).

Возрастание коррупционного давления на бизнес способствовало развитию теневой экономики, уровень которой в 2013 г. достиг 35%⁹. Повышение экономических рисков, из-за примитивизации экономики и ненадлежащего инвестиционного климата, изменило поведение банков. Банковский сектор сфокусировался на наращивании высокорентабельного потребительского кредитования (его уровень в структуре кредитования домохозяйств в 2013 г., достиг 67%¹⁰). Кредитование модернизации экономики было, фактически, полностью свернуто (в 2013 г. удельный вес банковского кредитования в источниках финансирования капитальных инвестиций составлял всего около 14%¹¹).

В 2013 г. основными отраслями экономики стали: АПК, химическая промышленность, ТЭК и ГКМ. *Ни одна из этих отраслей не являлась высокотехнологичной.* Слабые промышленные показатели обусловили практически полную *переориентацию потребительского сектора на импортные товары* (в 2013 г. удельный вес товаров отечественного производства в структуре оптового товарооборота предприятий составил всего 54,3 %¹²), таким образом, формируя сильную импортозависимость страны.

Все это осуществляло перманентное давление на рост реального уровня заработных плат и пенсий, качество предоставления социальных услуг (здравоохранение, образование), общий уровень жизни населения и способствовало формированию недовольства действиями власти.

К моменту кризиса 2013-2014 г.г. в украинской политико-экономической мысли уже сформировались представления о том, что

⁵ данные www.bank.gov.ua

⁶ данные www.minfin.gov.ua

⁷ данные www.bank.gov.ua

⁸ <http://www.niss.gov.ua/articles/1800/>

⁹ данные www.me.gov.ua

¹⁰ данные www.bank.gov.ua

¹¹ собственные расчеты на основе данных www.ukrstat.gov.ua

¹² www.ukrstat.gov.ua

может стать действенным «лекарством» от усиливающейся деградации. Предполагалось, что сближение с ЕС, подписание Соглашение об ассоциации, а затем и интеграция в европейское сообщество, позволят реформировать неэффективную экономическую модель.

В частности, ставка делалась на то, что изменение регуляторных процедур, открытие новых рынков и приход масштабных инвестиций дадут оздоровительные эффект и позволят устранить накопившиеся структурные дисбалансы.

Однако совокупность объективных и субъективных обстоятельств превратили эти расчеты и надежды в безосновательные. Глубокий политический кризис и вооруженный конфликт на территории страны, «выпадение» части рынков, отток реальных инвестиций лишь усилили деградацию национальной экономики.

Динамика деструктивных экономических изменений после 2013-2014 годов приобрела катастрофический характер. Произошло падение практически всех базовых экономических показателей как в абсолютном, так и в относительном выражениях.

В частности, ВВП Украины за период с 2013 по 2016 гг. снизился в два раза: с 183,31 млрд. долл. США до 93,27 млрд. долл. США, национальная валюта девальвировала более чем в три раза¹³.

Сложилась пессимистичная динамика качественных показателей экономики. Буквально за три года Украина практически полностью утратила экономический кластер, производящий продукцию с высокой добавленной стоимостью (машиностроение). Кроме того, из-за сворачивания промышленного производства *удельный вес аграрной продукции в ВВП вырос с 8,7% до 11,6% в период 2013-2016 г.г.*¹⁴ В Украине фактически утвердился **аграрно-сырьевая экономическая модель**. Кроме машиностроения, значительные потери понесли горно-металлургический комплекс, энергетическая (производство угля), химическая, пищевая отрасли и другие.

Девальвация национальной валюты критически уменьшила реальные доходы населения (уровень средней заработной платы снизился с 450 дол. США в 2013 г. до чуть более 200 дол. США, по состоянию на середину 2017 г.). Последовавший за этим высокий уровень инфляции сократил емкость внутреннего рынка, ухудшая и без того низкую инвестиционную привлекательность страны¹⁵. В свою очередь, снижение реальных доходов населения привело к глубокому кризису банковского сектора, где уровень «токсичных» кредитов населения достиг к 2016 г. 60%, что сопровождалось двукратным уменьшением количества банковских учреждений в стране¹⁶.

¹³ собственные расчеты на основе данных www.ukrstat.gov.ua

¹⁴ собственные расчеты на основе данных www.ukrstat.gov.ua

¹⁵ собственные расчеты на основе данных www.ukrstat.gov.ua

¹⁶ <https://bank.gov.ua/doccatalog/document?id=50604896>

Снижение доходов экономических субъектов после сворачивания экономики, обусловило сокращение реальных доходов государственного бюджета Украины, располагаемый ресурс которого сократился с 43 млрд.дол.США до 23 млрд.дол.США¹⁷.

В ситуации острой нехватки финансовых ресурсов для выполнения базовых функций государство сократило свое участие в финансировании таких сфер как медицина, образование, ЖКХ. Этот груз затрат перекладывается на население.

Состояние бюджета и возможности для государственного инвестирования постоянно ограничивают растущие расходы на оборону и траты, связанные с сектором безопасности. Эти издержки достигли 10% в структуре расходов государственного бюджета на 2017 г. Для поддержания «провалившегося» уровня бюджетных поступлений государство, в последние годы, *активно наращивает кредитные обязательства, уровень которых по отношению к ВВП, увеличился с 39% в 2013 г. до 80% к концу 2016 г*¹⁸.

Сворачивание экономической активности в стране привело к массовой миграции наиболее трудоспособной и квалифицированной части населения. Денежные переводы, осуществляемые «гастарбайтерами», в последние годы приобрели макроэкономическое значение. Их размер превысил уровень прямых инвестиций в экономику страны, что уже стало одним из основных факторов поддержания равновесия на межбанковском валютном рынке. Так, в 2016 г. украинские граждане перечислили в Украину около 7 млрд.дол.США, в то время как уровень роста прямых иностранных инвестиций составил 3.3. млрд.дол.США¹⁹.

Экономический упадок вынуждает население изменять свои потребительские предпочтения, ухудшая качество потребительской корзины и способствуя уменьшению общего уровня потребления, в первую очередь товаров длительного пользования. Но даже эти вынужденные меры не обеспечивают возможность достаточной экономии частных средств, побуждая население к использованию сбережений, уровень которых за первые два квартала 2017 уменьшился на 27 млрд.

Экономические сценарии будущего:

Инерционный сценарий - предполагает продолжение вялотекущей структурной деградации национальной экономики, вплоть до полной ее примитивизации. Это означает дальнейшее уменьшение доли промышленного сектора в ВВП, уменьшение занятости, расширение дифференциации доходов

¹⁷собственные расчеты на основе данных www.minfin.gov.ua

¹⁸собственные расчеты на основе данных www.minfin.gov.uaи www.ukrstat.gov.ua

¹⁹<https://bank.gov.ua/doccatalog/document?id=2449138>

населения, полное истощение финансовых, технологических и человеческих ресурсов страны, окончательное укрепление аграрно-сырьевой модели экономики. В рамках этого сценария ожидается постепенное сужение экономической активности до 2-3 секторов. В данном случае, экономический рост не может быть фактором качественных экономических преобразований.

«Обвальный» сценарий» - предполагает обвал экономики под воздействием внешнего экономического шока. При таком развитии событий, процессы разрушения экономики существенно ускорятся. Спад на сырьевых рынках обусловит коллапс валютных поступлений, сжатие внутреннего рынка, обрушение системы государственных финансов. Этот сценарий будет сопровождаться суверенным дефолтом, критическим обнищанием населения и частичной остановкой инфраструктуры жизнеобеспечения в различных регионах Украины.

3. Социальные настроения: осень 2017 г.

В Украине растет недовольство властью, однако это недовольство не выливается в активный массовый протест. Недовольство и разочарование стимулирует разнообразные формы пассивного протеста, в том числе – самоустранение граждан от общественно-политической жизни и бегство из страны (временная трудовая миграция и эмиграция). Одновременно, в обществе сформировался запрос на качественное обновление власти – обновление в рамках легитимного избирательного процесса (но не бунта, «майдана»).

Исследования общественного мнения в Украине фиксируют своеобразный парадокс. С одной стороны, обнищание людей, рост цен и тарифов ЖКХ, непопулярные меры правительства вызывают активное недовольство среди населения. С другой стороны, опросы показывают, что Президент П.Порошенко и БПП «Солидарность» остаются лидерами электоральной поддержки. (По крайней мере, об этом свидетельствуют результаты октябрьского опроса Центра имени А.Разумкова). Дело даже не в электоральных рейтингах, вопрос вызывает то, **почему недовольство населения не выливается в активный протест?**

Отсутствие именно массового активного протеста (а не «опереточных» протестных акций - майданов с оплаченными статистами) даёт основание властям утверждать, что нынешний политический курс пользуется поддержкой народа. Это позволяет утверждать, что общественность якобы осознает необходимость и прогрессивность проводимых реформ, не смотря их болезненность, а также что П. Порошенко сегодня – единственная политическая фигура, вокруг которого могут объединиться патриоты страны. Из этого делается вывод, что Порошенко может победит на очередных президентских выборах (в 2019 году, не раньше!).

Но так ли это? Всё ли так благополучно у «партии власти»? **Что стоит за социальным парадоксом – «недовольство без протеста»?**

Снижение поддержки власти. Опросы населения зафиксировали в октябре ухудшение оценки работы Президента и правительства. Подавляющее большинство (79,0%) опрошенных в той или иной степени не одобряет работу Петра Порошенко на посту главы государства. В сентябре аналогичный показатель составлял 74,6%. Значимо ухудшилась также оценка работы главы правительства В.Гройсмана.

Уровень электоральной поддержки П.Порошенко снизился с 12,8% в сентябре до 9,9% в октябре. Число тех, кто готов проголосовать за БПП на парламентских выборах уменьшилось с 10,5% до 9,1%.

На лицо ухудшение отношения к руководству страны, сокращение социальной и электоральной базы «партии власти». **Данную негативную тенденцию, безусловно, следует рассматривать как проявление протеста населения против ухудшения условий жизни.** Есть основание полагать, что речь идет о долговременном негативном тренде. Свои «плоды гнева» еще принесут образовательная, медицинская и пенсионная реформа, новая волна повышения тарифов ЖКХ.

Специфику протестных настроений характеризуют данные исследования Программы развития ООН в Украине, проведенного в июле 2017 года. В ходе опроса населения респондентам предложили определить, что для них является приоритетным – материальное благосостояние или свобода. Треть опрошенных (30,3%) указали, что они «готовы в обмен на личное благосостояние уступить государству долю своих прав и гражданских свобод». В то же время, около трети (35,4%) респондентов «ради личной свободы и соблюдения всех гражданских прав готовы терпеть определенные материальные трудности». (Еще 34,3% не определились с ответом).

Анализ обнаружил следующие региональные особенности: в макрорегионе «Донбасс» число «свободофилов» вдвое превышало долю «меркантилистов» (соответственно 54,8 и 21,8%), в макрорегионе «Восток» это соотношение было примерно равным (42,4 и 39,9%), а в западных областях со значительным перевесом доминировали «меркантилисты» (29,9 и 48,5%).

Таким образом, половина жителей западного макрорегиона страны согласны уступить государству часть своих гражданских прав и свобод. Эти респонденты в той или иной степени доверяют нынешнему государству, считают его «своим», и не опасаются, что их интересы будут ущемлены. Иное дело – жители Донбасса и Востока, среди которых широко распространены оппозиционные настроения. Причем неприятие нынешнего политического курса приняло настолько острый, радикальный характер, что большинство жителей прифронтового Донбасса (люди, зачастую, бедные) готовы пожертвовать своим материальным благополучием, чтобы защитить собственное достоинство, собственные права, собственную свободу.

Вопрос о приоритетности свободы и благосостояния оказался индикатором «терпимости» населения по отношению к властям и проводимой ими политике. Готовность отстаивать свободу и свои права свидетельствует о готовности граждан к активному протесту, не взирая на сложное материальное положение. Как свидетельствует история, масштабный политический протест вырастает не из попыток получить материальные блага, а из стремления защитить общезначимые ценности – добиться Справедливости, отстаивать Права, обрести Свободу. И жители Юго-Востока Украины демонстрируют эту готовность больше, чем кто-либо в стране.

Другой формой протеста против нынешнего политического курса стал **эскейпизм – дистанцирование (бегство) от общества, самоустранение от общественно-политической жизни.**

В 2014 году в Украине наблюдался всплеск гражданской активности. Чем объяснялась эта активность? Люди надеялись, что революция качественно изменит государство, позволит преодолеть ту пропасть, которая разделяет народ и власть имущих, что простые граждане будут принимать важные решения в жизни страны и территориальных громад. Однако эти надежды не оправдались. **Сегодня большинство (более 70%) украинских граждан считает, что власть ведет страну в неправильном направлении.**

В 2016-2017 годах произошло резкое снижение гражданской активности. **Сегодня приходится говорить о кризисе общественного взаимодействия и падении доверия внутри украинского общества.** У населения снижается интерес к политическим новостям, растет недоверие к политикам, число тех, кто не желает участвовать в выборах. Электоральные опросы дают основание прогнозировать, что в случае проведения внеочередных парламентских выборов, явка избирателей составит менее 50%. Таким образом, **люди часто настроены «проголосовать ногами» и таким образом продемонстрировать свое неприятие политического курса.**

Сегодня многие граждане не связывают свою жизнь и свое будущее с украинским государством. Значительная часть опрошенных граждан (26,7%) заняли обособленную позицию: «государство – само по себе, а я – сам по себе». Некоторые (7,5% респондентов) прямо заявляют, что считают нынешнее государство чужим и враждебным по отношению к себе.

Акцией протеста в этих условиях становится решение уехать из страны, на заработки или постоянное проживание за рубеж. Эти люди отправляют своих детей на учебу за границу, рассчитывая, что они после получения диплома, смогут там получить работу.

Люди вынуждены скрывать свое недовольство. Для большинства граждан современная Украина не является толерантным обществом, где можно открыто выразить свои взгляды. Многие (21,4% опрошенных) считают, что в Украине право на свободу выражения своих взглядов ограничивается, что власть преследует инакомыслящих. Значительная часть (38,0%) респондентов полагает, что люди опасаются открыто выразить свои политические взгляды, не желая конфликтовать с представителями радикальных взглядов.

Когда жителей Донбасса просят оценить деятельности руководства страны, социологи фиксируют аномально высокий показатель тех, кто «затрудняется» с ответом на вопросы. Жители Донбасса и значительная часть населения Юго-Востока страны часто вынуждены скрывать своё критическое отношение к властям, свою нелояльность и инакомыслие, свой «непатриотизм». Эти люди боятся получить ярлык «бытового сепаратиста», стать объектом

остракизма со стороны агрессивного радикального меньшинства, опасаются репрессий со стороны властей. **Не имея возможности легально, публично выразить свое недовольство, жители Донбасса, Одессы, Харькова вынуждены скрывать свой протест, «откладывая» его на будущее.**

Дискредитирована практика протестных акций. В массовом сознании возобладала точка зрения, что нынешние протестные акции носят постановочный характер, и участвовать в них имеет смысл только за деньги.

Отчасти это объясняется тем, что **в массовом сознании практика социального протеста оказалась дискредитированной.** Майданы 2004 и 2014 годов не стали двигателем общественных преобразований, не решали накопившихся проблем, а порождали новый виток политического кризиса, раскол в обществе, рост социальной напряженности. Протестная акция, организованной М.Саакашвили (названная «новым Майданом»), также оказалась непродуктивной, произвела скорее деморализующий эффект.

Учитывая вышесказанное, можно утверждать: протест населения имеет место, но он приобретает специфические, неявные формы. Существует также ряд обстоятельств, которые не позволяют массовому недовольству вылиться в активный гражданский протест.

Важно отметить, что **в обществе сложился запрос на обновление власти.** Причем, речь идет не о новой революции, не о массовых акциях протеста, которые сметут нынешнюю дискредитированную власть. Идея майдана в обществе сегодня уже не пользуется популярностью. Обновление, должно пройти в законном русле, конституционным путем. Как показывают опросы, **большинство граждан поддерживает идею проведения парламентских и президентских выборов.**

Электоральная поддержка. Среди претендентов на пост Президента Украины Петр Порошенко длительное время был лидером по уровню электоральной поддержки. Казалось, ничто не угрожает его перспективе выхода во второй тур (а там – и вторая каденция «в кармане»). Однако осенью 2017 года эта перспектива стала меркнуть. Если в августовском рейтинге Порошенко делил с Тимошенко первое и второе место, то в сентябре Порошенко отстал от лидера, теряя поддержку среди населения.

Сегодня среди граждан, которые намерены участвовать в выборах, Ю.Тимошенко поддерживают 12-13%, П.Порошенко – 9-10%, Ю.Бойко – около 9%. С учетом статистической погрешности, у Порошенко и Бойко практически равные шансы выйти во второй тур президентской гонки.

Однако, как говорят социологи, «есть опрос, а есть прогноз». Анализ данных показывает, что у Юрия Бойко есть скрытый электорат, который неочевиден при просмотре общих данных. И этот скрытый электорат даёт лидеру «Оппоблока» дополнительные шансы по части попадания во второй тур. В чем тут дело?

Всё просто: среди жителей Юго-Востока Украины (основа электората «Оппоблока») большой процент «неопределившихся». Речь идет о гражданах, которые намерены участвовать в выборах, но не сообщают, за кого они будут голосовать. Наибольший показатель «неопределившихся» – среди жителей Донбасса. Здесь этот показатель достигает 40%, тогда как в западных областях составляет менее 10%.

Главная причина этого феномена – нежелание жителей Донбасса показывать свои протестные настроения, свои оппозиционные взгляды. Критиковать власть в прифронтной зоне – значит рисковать получить ярлык «сепаратиста». Вот и предпочитают жители подконтрольного Донбасса помалкивать до поры до времени – пока не придет время голосовать. А в день выборов они продемонстрируют свой **отложенный протест**, свое раздражение, свое подлинное отношение к властям.

Еще одно обстоятельство – явка избирателей. Симпатии действующего Президента охотно говорят о своей готовности пойти на выборы. Оппозиционно настроенные респонденты по этому поводу часто отвечают невразумительно – в стиле «поживем-увидим». В итоге электоральные рейтинги некоторые социологи строят при избытке лояльных к власти граждан, и нехватке («неучтёнке») критиков власти. В итоге показатели поддержки Президента и БПП оказываются необоснованно оптимистичными («завышенными»).

Политтехнологи уже сталкивались с проблемой «скрытого электората» оппозиционного толка. В «нулевые» годы социологи в своих прогнозах неоднократно «недодавали» голосов Ю.Тимошенко и «Батькивщине». Социологов тогда обвиняли и в заговоре, и в продажности. Проблема оказалась в другом – часть сторонников протестного электората игнорировала интервьюеров или уклонялась от ответа на вопросы об электоральном выборе.

В общем, у Порошенко есть поводы для беспокойства.

Значительный «ресурс терпения» (отсутствие активного протеста) в обществе обеспечивает нынешнему руководству страны возможность удерживать власть до 2019 года. Однако неуклонный рост недовольства и протестных настроений делает крайне проблематичным переизбрание как Президента П.Порошенко, так и сохранение нынешнего парламентского большинства в ходе очередных выборов. Попытка режима противостоять обновлению власти в рамках легитимного избирательного процесса может спровоцировать эскалацию социальной напряженности, выброс энергии «отложенного протеста».

4. Особенности политической ситуации

Чем ближе Украина подходит к 2019 году, тем более острой становится дискуссия о дальнейшей судьбе политического режима, установившегося после событий Майдана. Его апологеты еще пытаются убедить общественность в том, что власть верна идеалам революции, а реализуемая политика является их квинтэссенцией. Лояльные социологические службы продуцируют невероятные уровни поддержки правящих кругов, а политтехнологи президентской команды демонстрируют активную работу над проектом «второй срок Порошенко». Однако чем дальше, тем более ясным становится то, что большинство политических игроков уже готовятся к жизни в другой Украине — с другими лидерами и другим политическим ландшафтом.

В этой ситуации как-то незаметно отошла на второй план тема о досрочной парламентской кампании. Ее не смогла оживить даже попытка очередной трансформации системы выборов. Можно сказать, что украинский политикум по разным причинам в этом вопросе достиг консенсуса — «не на часі». Но желание представителей коалиции подать это как обнадеживающий симптом является скорее пропагандистской уловкой.

Де-факто Украина функционирует как президентско-парламентская республика, в которой тема выборов Верховной Рады является вторичной. Поэтому ее отложили до момента окончательного прояснения вопроса о персоне следующего главы государства, который традиционно выполняет роль модератора украинской политической элиты. Вопрос этот уже официально заявлен в ходе акций протеста, устроенных «Рухом новых сил» и Ко. Собственно, таковой и была сверхзадача мероприятия — объявить, что в 2019 году (если не раньше) в Украине должен быть другой глава государства. Не пророссийский, а другой. Очевидно, такая постановка не устраивает президентскую команду, развернувшую репрессивную кампанию борьбы с предателями и преступностью.

Президент и его окружение рассчитывают на то, что арест М.Саакашвили, высылка его соратников, глумление над участниками «михо-майдана» собьют активность противников Президента. Но ситуация такова, что репрессии против конкретных политиков и политических сил уже никак не исправят отношение украинской общественности к правящему режиму. Более того, репрессии, скорее всего, станут фактором роста значимости происходящих акций и мобилизации недовольных.

Порошенко может выслать Саакашвили. Но тогда на сцену, подготовленную с помощью Михо, выйдет другой, более опасный соперник.

В принципе фаворит следующей президентской кампании уже определен. И это не П.Порошенко.

За последнее время произошел мощный всплеск коррупционных скандалов. Многие из них прямо или косвенно связываются с Президентом и его окружением. Здесь не просто подцепили «семейную болезнь», но вывели ее на новый, демонстративный уровень. Независимо от дальнейшего развития ситуации, эти скандалы существенно подорвут репутацию Президента и станут болезненным рычагом давления на него. В том числе и извне. И это значимый фактор, если учитывать охлаждение отношения и рост количества претензий внешних партнеров Украины в отношении политики украинских властей. Не видя другого ответа на эти претензии, кроме геополитического шантажа, партнеры Украины поневоле переориентируются на поддержку оппонентов П.Порошенко.

Попад под холодный внешнеполитический душ, П.Порошенко не сможет рассчитывать на достаточную общественную поддержку и внутри страны. В погоне за эксклюзивностью политического влияния он стянул на себя фокус общественного раздражения происходящим в стране. Это не дает ему сыграть в игру «хороший царь-реформатор — плохие бояре-коррупционеры». Ведь на фоне коррупции углубляется разрыв в качестве жизни между бедными и богатыми слоями населения. При этом в качестве богатых выступают не бизнесмены, но политики и государственные служащие, поражающие воображение общественности размерами своего сверхпотребления. Это именно то обстоятельство, которое обесмысливает всю пропаганду реформ, делая их символом несправедливости. Продолжая говорить о них, Президент теряет поддержку. При этом поддержку теряют все реформаторы скопом. Так что ритуальными жертвами исполнителей и персональными ротациями напряжение снять не удастся.

Кризис перспективы обостряет конфликт внутри «партии власти/войны». Сегодня коалиция представляет собой группу объединенных круговой порукой и зависимостью политиков, которые судорожно ищут выход из безвыходной ситуации. Часть из них требует конституционной реформы, которая снизит урон от поражения на президентских выборах. Часть хочет назначения преемника. Кто-то говорит о партийной реструктуризации ребрендинге, чтобы потом не повторить судьбу Партии регионов. А кто-то ищет возможности присоединения к другим политическим проектам. Никто не хочет идти на дно. Но что показательно: никто, кроме ближайшего окружения Президента, не рассматривает в качестве выхода стратегию сплочения вокруг него. Президенту нечего предложить своим партнерам, кроме угроз и преследований. Срыв объединения БПП и Народного фронта яркая тому иллюстрация.

В своем пренебрежительном отношении к партнерам Президент видит только нулевой партийный рейтинг Народного фронта или кризисную зависимость бизнеса от поддержки государства. До некоторого времени это действительно было сдерживающим фактором. Но с некоторого момента

«народнофронтовцы» поняли, что их партия — это не единственный путь для реинкарнации. Можно идти на мажоритарные округа, можно делегироваться в другие проекты. И теперь эта часть правящей коалиции открыта для контактов. В том числе и с основным соперником П.Порошенко на выборах. В свою очередь влиятельные бизнес-игроки находятся в процессе консультаций и коррекции политических ставок постоянно. Такова их природа. Других партнеров у Президента нет.

В ситуации, которая сложилась в Украине, коммуникации и консультации между крупными политическими игроками, особенно ввиду перспективы смены руководящего состава, крайне важны. Во-первых, для того, чтобы размыть границы между проигравшими и побежденными и не свалить страну сразу после выборов в острое противостояние. Во-вторых, чтобы победитель после выборов не увяз в торгах и не потерял политическую динамику, выходя слабым и беспомощным. Такое состояние будет чревато общественным разочарованием и будет подстегивать оппонентов. В-третьих, чтобы не спровоцировать саботаж на местах. Именно поэтому все чаще раздаются призывы к согласованию позиций и стратегий.

Несмотря на важность обсуждения дальнейших политических перспектив, вести их, тем не менее, крайне сложно. Потенциальные участники консультаций либо взаимно токсичны, либо политически несовместимы. Например, «Батьківщина», апеллирующая к национал-патриотически настроенным избирателям, вряд ли пойдет на соглашения с Оппоблоком, чтобы не сделать подарка действующему Президенту. Не меньший риск для «Батьківщини» имеют и открытые контакты с «Народным фронтом», который стал символом анти-социальной политики и коррупции в условиях тяжелейших для страны 2014-15гг. (итоги работы и общественная оценка правительства А.Яценюка). Схожие трудности испытывают и другие политические силы. А значит, простых решений здесь быть не может.

Это обстоятельство создает благоприятные условия для деятельности закулисных модераторов — того особого рода политиков, которые по разным причинам не могут действовать публично, но имеют значительный опыт и влияние как посредники и авторы политических схем и теневых сговоров.

Наступает время челночной дипломатии и конкуренции разных моделей организации поствыборного пространства. В соответствии с одной из моделей в Украине формируется и побеждает социал-патриотический альянс, который оттесняет правящую сегодня право-консервативную коалицию. В соответствии с другой, в Украине формируется и побеждает социал-демократический лагерь, который торжествует над правящими национал-милитаристскими кругами. Обе модели вполне осуществимы, но несут в себе заряд конфронтации, достаточный для возникновения гражданского конфликта. Поэтому рассматриваться будут и более неконфликтные модели. Они будут исходить из

необходимости масштабной реструктуризации партийного ландшафта Украины. Партии-антагонисты нового режима будут демонтироваться. Как путем выдергивания из них административно-мотивированных звеньев (в центре и на местах), так и путем их договорно-принудительного вовлечения в другие, более лояльные или нейтральные партийные проекты.

В зависимости от того, какая из моделей получит наибольшее количество сторонников и будет зависеть дальнейшее развитие ситуации.

В свою очередь, Президент также должен будет сделать выбор между разными стратегиями: в диапазоне от «стратегии второго срока» до «стратегии досрочного ухода». В этом смысле, не смотря на начавшуюся международную антикоррупционную кампанию и организованные уличные кампании протеста, «точка невозврата» для него еще не пройдена.

На фоне социально-экономического угасания, ухудшения внешней конъюнктуры и роста общественного раздражения амбиция второго срока будет сопряжена с закручиванием гаек, ростом политических ставок, «грязной игрой», серьезным обострением внутривнутриполитических конфликтов и дальнейшим ростом внешнеполитического давления. Ведь любой результат, кроме победы, будет рассматриваться в рамках такой амбиции как катастрофа.

Или второй вариант — президентская команда продолжит готовиться к президентским выборам, но сосредоточится на изучении и подготовке перспектив П.Порошенко в роли лидера влиятельной и эффективной оппозиции следующему режиму. Без сжигания мостов. Со ставкой на парламентские выборы, следующие за президентскими, реформу политической системы и формирование новых политических альянсов, ограничивающих влияние следующего главы государства. Тогда политическая комбинация с досрочной отставкой, играми в политическую реформу и сменой сроков выборов будет рассматриваться как технология нового политического цикла (даже если репутация Президента будет также подорвана, как и его партнера/конкурента А.Яценюка).

5. Внешняя политика: на пути к изоляции

В международных отношениях «украинский вопрос» отходит на периферию. Поддерживать международный интерес и обеспечивать поддержку страны становится все сложнее.

Падает значение и роль Украины как самостоятельного внешнеполитического игрока. Инициатива по мирному урегулированию вооруженного конфликта на Донбассе полностью передана в компетенцию других государств. Позиция украинского руководства в этом вопросе превращается во вторичную, зависимую от договоренностей и интересов других более влиятельных международных акторов.

Внешняя политика Украины становится догматичной, ориентированной на достижение идеальных геополитических целей, часто несовпадающих или контраверсионных интересам соседних государств. Политика приобретает характер «блокирующей» в отношении инициатив, направленных на нормализацию ситуации в регионе.

Даже соседи и ближайшее геополитическое окружение начинают терять интерес к Украине. Они отказывают Украине в участии в потенциально перспективных новых международных форматах («Инициатива трех морей»), избегая выраженной демонстрации «конфликтности» в отношении РФ.

Внутренняя политика государства все чаще становится объектом критики со стороны соседей, партнеров и доноров Украины. Некоторые из соседних стран открыто заявили о начале политики блокирования и противодействия украинским инициативам. Перед Украиной возник риск геополитической изоляции и жизни во «враждебном окружении».

Спад внешнеполитической активности и потеря интереса к украинскому вопросу. Период 2014- 2015 годов можно считать пиком активности украинской дипломатии. В этот промежуток времени для государства открылось значительное «окно возможностей» по развитию внешнеполитических связей и налаживанию новых контактов. Этому способствовал целый ряд объективных обстоятельств.

В первую очередь, всплеск международной активности вокруг «украинского вопроса» спровоцировала силовая политика Российской Федерации. Аннексия Крыма, а затем и активное включение в конфликт на Донбассе активизировали политику «сдерживания» со стороны стран Запада. Ключевым элементами этой политики стало поддержание и укрепление экономических и военно-политических возможностей Украины. Для нашего государства открылись перспективы получения политической (гарантии суверенитета, поддержка на уровне международных организаций, участие в

Минском процессе), торгово-экономической (расширение квот на украинский экспорт), кредитно-финансовой (транши МВФ, макро финансовая помощь ЕС, кредитные гарантии США) и военной помощи. После 2014 года многие украинские партнеры выразили готовность содействовать внутривнутриполитическим трансформациям. В том числе, за счет предоставления дополнительных финансовых стимулов.

Украина оказалась в статусе жертвы неспровоцированной агрессии. Предоставление помощи и поддержки нашей стране для многих государств и международных организаций стало вопросом репутации. Кроме стран ЕС и США свою активную позицию заявили Австралия, Израиль, Канада, Китай, Турция, Япония и другие страны. В одностороннем порядке санкционный режим в отношении РФ поддержали Новая Зеландия, Норвегия, Швейцария. Несмотря на открытый конфликт с РФ в период 2014-15 гг. Украине удавалось поддерживать диалог с союзными России государствами – Арменией, Беларусью, Казахстаном.

Во второй половине 2017 года падение интереса и внимания к Украине стало особенно очевидным. Перевести наметившееся сближение и разовые контакты в плоскость долгосрочного политического и торгово-экономического взаимодействия с большинством стран не удалось. Активность внешней политики сузилась до узкого круга партнеров. При этом, оставшиеся контакты со странами ЕАЭС фактически были свернуты. С некоторыми из них (Беларусь) отношения оказались существенно подорваны серией скандалов.

На фоне бурных событий на Ближнем Востоке, конфликта вокруг ядерной проблемы Северной Кореи, а также процессов переобустройства в ЕС и изменений во внутренней и внешней политики США украинский вопрос оказался вытеснен на периферию. Попытки власти оживить интерес к украинской проблематике политико-дипломатическим путем на уровне международных организаций и в ходе саммитов в многостороннем формате успеха не имеют. Что наглядно демонстрируют итоги 5-го Саммита «Восточного Партнерства».

Вторичность внешней политики и добровольное понижение статуса. Существенно ослабил внешнеполитические позиции Украины отказ от прямого диалога с РФ по вопросу урегулирования конфликта на Донбассе и включение посредников в эти переговоры. Идея посредничества, казавшаяся продуктивной на первом этапе конфликта (лето 2014), постепенно эволюционировала до сокращения присутствия Украины (Минский процесс), а потом и вовсе свелась к самоустранению. Право на ведение переговоров де-факто было делегировано «третьей стороне» (формат Волкер-Сурков).

Как результат в обсуждении ключевого для будущего государства вопроса украинская власть заняла позицию статиста. При этом, формально оставив за собой право отвергнуть результаты соглашения, достигнутые

посредником. Такая «поза» удобна для внутривнутриполитического позиционирования. Позволяет не брать на себя политической ответственности за достижение результата. Однако она совершенна провальная с точки зрения международных отношений. Такое поведение свидетельствует о вторичности внешней политики и понижает статус Украины, как международного игрока. Такое позиционирование служит сигналом для остальных государств к игнорированию позиции Украины. Подталкивает партнеров к попыткам «решить вопрос» с более влиятельными международными игроками, получившими право говорить от имени украинского государства.

Догматичность внешней политики. На начальном этапе кризиса и конфликта с РФ (2014-2015 гг.) внешняя политика Украины строилась на общедемократических снованиях: уважении международного права, нерушимости границ, гарантий суверенитета и территориальной целостности, неприемлемости агрессии и готовности к диалогу. Ориентировочно, с середины 2015 года в основу внешнеполитической стратегии Украины оказалась заложена догма о новом «цивилизационном конфликте» коллективного демократического Запада и реваншистского Востока (в лице РФ). В официальную риторику первых лиц государства вошли идеи о реинкарнации «холодной войны» и необходимости новой доктрины «сдерживания».

Во всех отношениях удобная для внутренней политики, она оказалась проигрышной в политике внешней.

Уже на тот момент данная доктрина не описывала всей сложности изменений в нынешнем мировом порядке. В первую очередь, она не учитывала растущую роль Китая (политика «Нового Шелкового Пути») и эмансипацию ЕС (стремление к централизации и оборонному союзу). Еще более далекой от реальности она стала после победы на президентских выборах в США Д.Трампа, который провозгласил приоритет интересов США над коллективными интересами Запада. Это проявилось, в частности, в его резком выходе США из Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и замораживанию переговоров по партнерству Трансатлантическому, а также приостановке участия США в Парижском соглашении по климату.

Да данный момент, постулат о новом расколе континента все чаще вступает в противоречия с интересами части европейских стран, заявляющих о необходимости удержания диалога с РФ и нормализации отношений на континенте. Политика «сдерживания» кажется многим европейским элитам избыточной и потенциально опасной. Видя перспективы во взаимодействии с РФ, они начинают активнее выступать за нормализацию европейско-российских отношений без дополнительных условий.

В связи с жесткой и догматичной позицией украинской власти многие страны региона просто не рискуют приглашать Украину к реализации совместных проектов. В частности, в этом ключе можно интерпретировать отказ от привлечения Украины к «Инициативе трех морей» (инициирована

президентом Польши А. Дудой в 2015, задекларирована в 2016 году в г. Дубровник Хорватия, первый саммит в г. Вараша в 2017).

Таким образом, у Украины, которая продолжает придерживаться жесткой позиции и риторики уже возникают препятствия к развитию отношений с частью государств Европы. Усложняется эффективная работа в рамках европейских институтов. В дальнейшем возникает риск восприятия позиции Украины как агрессивно реваншистской. В конечном итоге, это может привести к замораживанию сотрудничества с ЕС, не желающим брать на себя избыточные риски, а также усилению давления на политическое руководство Украины со стороны европейских стран.

Конфликты с соседями. Одним из несомненных провалов украинской дипломатии стала серия конфликтов с соседними странами. Расхождения в трактовках гуманитарной политики и языковой политики привели к конфликту с Венгрией. Вплоть до публичных заявлений руководства этой страны о блокировании украинских внешнеполитических инициатив. И в менее острой форме к дискуссиям с Румынией, Болгарией и Молдовой.

Политика «исторической памяти», инициированная нынешним руководством страны, в этом году привела к резкому ухудшению отношений с Польшей. Вплоть до введения ею «черных списков» украинских государственных и общественных деятелей, которым будет запрещен въезд на территорию Польши.

Если в ближайшее время урегулировать эти спорные моменты не удастся, ориентация на конфликт и противодействие Украине действительно может стать для ряда Восточноевропейских стран основой их внешнеполитического курса.

В целом, за прошедшее с 2014 года время внешнеполитическая ситуация для Украины существенно ухудшилась. Цели, которые ставила перед собой украинская власть — к 2019-2020 году подать заявку на членство в ЕС, выглядят эфемерными. Критика внутренней и внешней политики Украины со стороны стран-партнеров нарастает. На страницах западных СМИ все чаще публикуют критические материалы о стране и руководстве — торможение реформ, неспособность преодолеть коррупцию, неготовность к прогрессу в мирном урегулировании.

Возможности Украины влиять на ситуацию в регионе сокращаются. И нельзя исключать вероятность, что новая «разрядка» (в терминах прошлой «холодной войны») пройдет на континенте без Украины. А, возможно, и за счет национальных (без кавычек и пропагандистского пафоса) интересов.

6. *Заключительные выводы*

1. В Украине формируется новая революционная ситуация (на основе выраженного «революционного невроза» общества), существенным отличием которой от событий 2013-14 гг. состоит в том, что у протестных настроений нет организующей политической силы, и упаднические настроения доминируют над желанием радикальных перемен.

Революционная ситуация в условиях фактического социально-экономического угасания страны может привести к:

- Провокативным действиям отдельных организованных групп с целью окончательной дискредитацией режима как недемократического, милитарного и кровавого. Цепь возможных провокаций уже начала свой отсчет с Мико-Майдана, конфликта силовых структур (НАБУ против СБУ и Генпрокуратуры) и ареста М.Саакашвили.
- Протестные настроения могут локализоваться в регионах и найти выражение в новом экономическом культурном региональном сепаратизме.
- Война на Донбассе и «гибридная война» с РФ прошли пик идеологической и социально-экономической мобилизации украинского общества. Шантаж войной, который был осущитим еще полгода-год назад со стороны украинской власти (*анонсы обострения, прогнозы относительно фронтальной войны с РФ, «мобилизационные волны» в ВСУ*), не дал ожидаемого результата. Трудовая миграция в РФ – по-прежнему на высоком уровне. Общественное недоверие к политике Кремля (власти РФ) сопровождается довольно устойчивым неприятием пропаганды украино-российской войны/вражды (*что характерно – как со стороны украинских, так и со стороны российских медиа-пропагандистов*). **Война все больше воспринимается как противостояние политических режимов, а не «война народов».** И все больше подпадает под исторический стереотип «странных войн». Существенным показателем этих настроений стал т.н. «языковый вопрос» (с принятием закона о реформе образования), который вывил высокий уровень общественной толерантности к русскоязычной языковой среде в Украине. Запрос на прагматичную стабилизацию и смягчение идеологического климата (усталость от «языка войны») все более очевиден.
- Фактическая международная изоляция власти, выраженная в резком ухудшении двусторонних отношений Украины со странами-соседями в Центральной Европе и ростом разочарования в Украине со стороны стратегических партнеров (США, Евросоюза), будут катализировать ужесточение режима, подталкивать его к неприкрытой реакционной политике в отношении главных политических оппонентов, критически

настроенных СМИ, НГО. Есть реальная угроза резкого усиления политики политических репрессий и усиления давления спецслужб на политический и общественный актив.

2. **Скандалы, связанные с конфликтом силовых антикоррупционных структур, окончательно подорвали репутацию украинской власти (режима) в глазах западных партнеров.** Коллективный Запад не намерен нести идеологическую и политическую ответственность за очередную коррумпированную диктатуру в Украине. Вполне вероятно, что уже в ближайшее время будут приниматься решения о способствовании тому, чтобы в Украине произошла системная смена власти.

Неприкрытое наступление на свободу слова, политические репрессии на политиков и лидеров местного самоуправления, антикоррупционные скандалы свидетельствуют о том, что режим перестал считаться с мнением Запада в вопросах внутренней политики (в частности, Евросоюза).

Инициатива Президента Украины о проведении референдума по НАТО выглядит в этом контексте как однозначное нежелание власти искать формулу мира и ее намерение продолжать войну на Донбассе. Сама тема НАТО (*решение о вступлении в НАТО на референдуме в рамках подконтрольной территории Украины, без населения ОРДЛО и Крыма*) делает фактически невозможным как продуктивный переговорный процесс, так и восстановление единства невоенным путем. Сигнал Донбассу о перспективах членства Украины в НАТО – это сигнал раскола.

3. Угроза саморазрушения украинского общества становится очевидной для большинства внешнеполитических партнеров Украины.

Жадность, жестокость и неадекватность политического режима, присвоившего революционный процесс 2013-14 как собственную политическую победу и не справившегося с задачей новой социальной и национальной консолидации, стали вызовом для международной системы в целом.

Еще в середине 90х один из членов команды президента США Клинтона заметил, что Украина – это «чека для Европы». Сегодня без преувеличения можно говорить о «детонации» европейского пространства.

Национализм и коррупция, геополитический шантаж войной на Востоке (ОРДЛО), конфликты с центрально-европейскими соседями и стимулирование государственного национализма среди стран ЕС, недееспособность (по существу, - интеллектуальное банкротство) украинской власти в вопросах реформ и экономического развития, фактическая де-индустриализация страны и экспорт трудовой миграции –

все это стало новым системным вызовом для европейского проекта. А угроза полноценной фронтальной войны Украины с РФ (*причины – аннексия Крыма, война с ДНР-ЛНР и «гибридная война» с РФ, сорванный Минский процесс и «замороженный» Нормандский формат переговоров*) **вынуждает Запад (США, ЕС) искать более действенные, даже прямолинейные средства давления на украинскую власть.** Запад не приемлет и не допустит континентальный кризис с военными очагами в условиях непреодоленного глобального геоэкономического и геополитического кризиса миропорядка.

4. **Политический режим в Украине несет глобальную угрозу новой дестабилизации** как по внутренним причинам (*риски нового «революционного невроза», с оружием и волной сепаратизма*), так и внешним – риск континентального конфликта.

Политика «мягкого принуждения» к социальным компромиссам, новому национальному диалогу, демонтажу военного конфликта на Донбассе не принесли успеха ни дипломатии США, ни лидерам ЕС. И это стало очевидно еще в середине 2017 года. Попытки сговора США с РФ в этих условиях (переговоры дуэта Волкер-Сурков) также безрезультатны.

Война на Донбассе остается главным козырем украинской власти (режима) во взаимоотношениях с западными партнерами. По существу эта война превратилась в инструмент неприкрытого геополитического шантажа. В сложившихся условиях можно предположить, что после выборов в РФ возможен новый раунд публичных и непубличных переговоров в треугольнике «США – ЕС – РФ» о новом балансе сил и интересов в Центральной Европе и нахождении компромиссной формулы решения «украинского вопроса».

Вполне вероятны и новые активные участники «умиротворения» - Китай и Великобритания. Затянувшиеся и малоэффективные переговоры США и РФ «без галстуков» (дуэт Волкер-Сурков) свидетельствуют о необходимости нового прорывного формата, который бы обеспечил легитимность план действий после прекращения двусторонних консультаций США-РФ (условно – план «Post-Волкер-Сурков») и обеспечил новый баланс интересов Запада (США, ЕС, Великобритания), РФ и Китая (провайдера проекта «Великий Шелковый путь»)

Пунктами этого пакетного решения могут быть прекращение активных военных действий, поддержка решения о международной миротворческой миссии (*ООН – либо «коалиция миротворцев», что вполне вероятно в условиях низкой эффективности структур ООН*), определение переходного периода устойчивого перемирия сроком на два-

три года, согласование интересов сторон в вопросах смены украинской власти и формирования договороспособного состава власти в Украине.

Вооруженная миротворческая миссия в зоне конфликта – вопрос будущего, а не настоящего. Поэтому можно предположить, что системное решение «украинского вопроса» может быть найдено только при условии смены нынешнего политического режима и способствованию формированию состава украинской власти из сил и фигур, способных обеспечить широкий социальный компромисс, и договороспособных на внешнеполитической арене (*как минимум – отказ от геополитического шантажа войной*).

5. Исходя из этих предпосылок, можно предположить два варианта развития событий, связанных с судьбой нынешнего состава власти:

Эволюционный вариант. Смена власти проходит в регламентированные сроки (весна – осень 2019 года). В ходе двух выборных кампаний западные партнеры активно поддерживают позицию о необходимости новой реформы политической системы – ограничение полномочий президента, перераспределение власти в пользу парламента, вторая волна децентрализации (усиление полномочий местных и региональных властей, возможно закрепление института автономии). Учитывая дискредитированность фигуры действующего Президента П.Порошенко и низкие рейтинги БПП и НФ, на президентских и парламентских выборах большую часть голосов возьмет широкий спектр оппозиционных сил. Учитывая, что в обществе есть выраженный запрос на новый политический центр, главная конкуренция в 2018 году развернется за право разных оппозиционных партий стать центром притяжения и координации. Шансы стать такими центрами есть у наиболее влиятельных и конкурирующих между собой оппозиционеров - Оппозиционного Блока и «Батьківщини».

Форсированный вариант. Риски эскалации конфликта на Донбассе и политические скандалы в Киеве могут катализировать давление со стороны Запада на президента и его окружение. Нежелательность и непредсказуемость стихийных протестов, которые могут сопровождаться провокациями и спецоперациями со стороны групп влияния в составе самой партии власти, могут стать причиной нестандартного для Украины решения вопроса президентства. Речь идет о вынужденной отставке на фоне скандалов и репутационных потерь действующего президента (обвинения в коррупции, нарушении принципов демократии и прав человека, возможная причастность к резонансным решениям, связанным с военными катастрофами в зоне АТО (Иловайск и др.)).

Досрочный уход Президента, в свою очередь, приведет, во-первых, к изменению срока выборов и существенной перестановке сил в политике. Становится очень вероятным распад БПП, радикализация «НФ», резкое усиление влияния радикальных националистических сил. Досрочные президентские выборы вероятны во второй половине 2018 года. От их результатов во многом будет зависеть архитектура и исход парламентских выборов, сроки которых тоже могут быть изменены с осени на весну 2019 года.

В форсированном варианте резко увеличивается фактор случайности. Высока вероятность того, что поддержку получают лидеры и политические силы, которые смогут в условиях формированного варианта предложить внятный и дееспособный план мира и стабилизации в Украине и получат поддержку и понимание как на Западе, так и на Востоке.

2018+

Украина стала новым «больным человеком Европы». Сила противников и «центров влияния» - кроется в ее собственных слабостях. И шансы на возрождение украинского проекта, а значит – и на решение самого «украинского вопроса», кроются, прежде всего, в ней самой.

Прежде всего – решение задачи нового, устойчивого и неконфликтного «украинского мира». Широкий национальный диалог – политический, гуманитарный, межрегиональный и межэтнический, должен рассматриваться как «длинный» национальный проект.

Прекращение войны и поиск новой формулы обустройства страны и укрепления ее государственности – путем организации национальной миротворческой миссии, которая стала бы форвардом для любой внешней миротворческой помощи. Важнейшей составляющей такого процесса может стать возрожденный институт Старейшин и реабилитация подзабытых «моральных авторитетов».

Выборы президента и парламента должны стать частью мирной перезагрузки государственной власти, в которой идеологический мейнстрим – это «внутренний мир», планы развития и новое примирение со странами-соседями «по периметру». Конкуренция лидеров миротворческих идей - лучше всякого военного-маскулинного антибиотика. Радикальные силы («партии войны») в таком сценарии окажутся в абсолютном меньшинстве – как идеологическом, так и электоральном.

Формирование новой политической системы может стать продуктивным при условии активного участия местных (региональных элит). Выборной

кампании должно предшествовать возрождение и активность общественных объединений, консолидирующих местные органы самоуправления (громады, региональные советы, мэрии). Их позиция в отношении перераспределения полномочий, самостоятельности (прежде всего, экономической автономности) должна быть заявлена и оформлена как новая конституционная инициатива «снизу». Возможно, через организацию представительного форума местного самоуправления всех уровней. И что важно – до начала выборных кампаний.

Три социальные силы, в своей практике и взглядах сохраняющие общественный запрос на гражданское, гуманитарное и экономическое единство страны, – гуманитарный класс, местное самоуправление и менеджмент производства – могут своим авторитетом и влиянием «погасить» доминирующие маргинальные и радикально-популистские настроения в обществе. При условии – если в национальной политике будут доминировать толерантность, миро-творчество и идеология компромиссов.

Создание общественной атмосферы примирения – главное условие преодоления общественного невроза. Образ будущего возможен лишь как образ «жизни вместе». Игнорирование этого очевидного факта угрожает новыми потрясениями, локализациями и «бегствами».

Нам предстоит тяжелое «самолечение» от общественного невроза, предотвращение начавшегося угасания страны, формулирование и движение к новому «общему будущему», решение проблемы новой социальной, гражданской и культурной целостности. И только так граница Украины будет частью границ нового устойчивого европейского порядка.